

Risto Rönkä
(University of Tampere)

Вид и время в славено-российской грамматике Андрея Дмитриевича Байбакова (Аполлоса, 1794 г.)

Работа содержит разделы: 1. Вступительные замечания, 2. Глагол, 3. Вид, 4. Времена, 5. Вопросы образования форм времени, 6. Выводы, Литература.

1. Вступительные замечания

В первую очередь наша работа, носящая науковедческий характер, стремится определить место грамматики А.Д. Байбакова в общей славянской традиции описания аспектуально-темпоральных категорий, т.е. восполнить один из пробелов в нашей работе (Rönkä 2005). С этой задачей органически связана попытка внести дополнения к сведениям, уже представленным по рассматриваемой проблематике (Живов 1992, 260–261; Daiber 1992, 159–163).

Андрей Дмитриевич Байбаков, в монашестве Аполлос (1737–1801), родился на Украине. В 1757–1767 гг. он занимается в основанной в 1687 году Славяно-греко-латинской академии, которая явилась первым высшим общеобразовательным учебным заведением в Москве. Закончив философский факультет Московского университета, Байбаков вернулся в Славяно-греко-латинскую академию в 1772 г. преподавателем поэтики и риторики, был ректором академии в 1783–1785. Монашество он принял в 1774 году. За составление «славено-российской» грамматики Байбаков принялся в 1786 г. по поручению Российской Академии. Авторство грамматики, не содержащей имени своего составителя, установлено в литературоведческих источниках. Подробные сведения см. в кн. Степанов 1988, 48–52.

Труд Байбакова можно характеризовать как сопоставительную грамматику русского и церковнославянского языков. Несмотря на название книги исходным пунктом описания является русский язык. Так, уже в начале книги «Россійская азбука» противопоставляется «Славенской,

или Российской церковной азбуке», под которой подразумевается азбука церковнославянского языка русской редакции конца XVIII века (Байбаков 1794, 1–2; в дальнейшем указывается только страница грамматики Байбакова). Любопытно, что сходное название «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» имеет рукописная грамматика Й.В. Пауса (Pause 1729; Живов & Кайперт 1996, 4).

Интересно, что работу Байбакова отметили еще Добровский (Dobrowsky 1820, XXVI) и Шафарик (Schaffarik 1826, 144). Умалчивая о роли грамматики Ломоносова, Иван Балицкий говорит лишь о «Грамматике... соч. Епископом Севским Аполлосом, предметом которой является новый славянский язык употребляемых при богослужении церковных книг». Так, неверно его утверждение, что «терминология и определения взяты из грамматики М. Смотрицкого» (Балицкий 1876 А, 38). Не совсем точно мнение Станкевича, считающего труд Байбакова лишь грамматикой русского языка, основанной на грамматиках Смотрицкого и Ломоносова (Stankiewicz 1984, 118).

Входя в русскую традицию грамматики Ломоносова, грамматика Байбакова совпадает в хронологической последовательности с грамматиками П.И. Соколова (1788; 1792; 1797) и предшествует непосредственно первой Академической грамматике (РГ 1802; Rönkä 2005, 210 и сл.).

В общей славянской традиции она – современник славянской грамматики А. Мразовича (Мразовић 1794), польской грамматики Копчинского (Korczyński 1778), чешских грамматик Томсы и Пельцеля (Tomsa 1782; Pelzel 1795), а также грамматики словацкого языка А. Бернолака (Bernolák 1790; Rönkä 2005, 257 и сл.).

Своими русскими источниками Байбаков отмечает известную работу В.К. Тредиаковского (1748) и грамматику М.В. Ломоносова (1755; 1755a) (с. 7, 20, 24, 51, 52). Для описания «славянского языка» автор использует «Граматику Максима Грека», под которой имеется в виду московское издание церковнославянской грамматики Мелетия Смотрицкого (1648). Для нашей темы важнейшим источником является также «Новгородская грамматика» Федора Максимова (1723, с. 20, 23, 51, 77; см. Rönkä 2005, 137). Примечание «университетская грамматика» может указывать на «Краткие правила российской грамматики» (КПР 1784, 1791) (с. 20, 24). Что понимает Степанов под незавершенной грамматикой Иоанна Сидоровского, будто бы использованной Байбаковым, нам не известно (Степанов 1988, 51).

2. Глагол

Категориальными значениями глагола как части речи являются, по определению автора, «бытіе, дѣйствіе или страданіе вещей» (с. 49) (ср. КПр 1784, 137).

Список **шести** глагольных категорий – «злогъ, наклоненіе, время, число, лице, спряженіе» – не содержит аспектуально значимых терминов «видъ» и «начертаніе» (с. 50).

Байбаков говорит о наличии шести залогов, но приводит их всего **семь**: «действительный» *бюю, творю*, «страдательный» *крещуся, творюся, бываю славимъ, домъ сооруженьъ*, «возвратный» *моюся*, «средний» *стою, здравствую*, «относительный» *боюся, труждаюся*, «общий» *касаюся*, «взаимный» *борюся, знаюся* (с. 50). Кроме «относительного» и ряда примеров они соответствуют залогам Ломоносова (1755, 481). Ср. **пять** залогов Смотрицкого, у которого нет «возвратного» и «относительного», но зато есть залог «отложительный» *боюся, труждаюся* (Смотрицкий 1648, 182).

Вслед за Максимовым и Смотрицким славянская часть грамматики Байбакова содержит **шесть** наклонений: «изъявительное» *бію*, «повелительное» *бій*, «молительное» *воньми*, «сослагательное» *аще бы хотѣль, даль бы*, «подчинительное» *да бію*, «неопредѣленное» *бити* (с. 51). В противоположность славянской российская грамматика, следуя Ломоносову, имеет только **три** наклонения: «изъявительное» *пишу, принесу, читаль*, «повелительное» *пиши, читай, принеси* и «неопредѣленное» *писать, читать, принести* (там же). Здесь повторяются даже примеры Максимова (1723, 35), Смотрицкого (1648, 184 об.) и Ломоносова (1755, 480). В обеих парадигмах наклонение «неопредѣленное» обозначает инфинитив, причем аналогичный термин «неокончательное» Ломоносова не применяется (Rönkä 2005, 168).

Два спряжения (-е- и -и-) как русского, так и славянского глагола (с. 52 и сл.) вытекают закономерно из традиций Смотрицкого (1648, 188) и Ломоносова (1755, 483).

В соответствии с текстом Байбакова в настоящей работе уместно говорить о «русской» и «славянской» парадигмах глагола. О сходных парадигмах в грамматике Пауса (Pause 1729, л. 103) см. работы: Живов & Кайперт 1996, 13; Rönkä 2005, 136.

3. Вид

Вслед за Ломоносовым в глагольном словообразовании (в глагольной классификации) Байбаков не употребляет понятий «вид» и «начертаніе» (ср. Rönkä 2005, 159). Они не применяются ни в русской, ни в славянской части к суффиксальному и приставочному образованию глаголов. Таким образом, «первообразный» и «производный», «про-

стой» и «сложенный», относящиеся уже к основополагающим понятиям словообразования второй половины XVIII века, используются как самостоятельные термины без указанных верхних категориальных терминов. При этом, однако, типовые церковнославянские парадигмы (с. 77 и сл.) не обходятся без выражений «вида совершенна» и «вида оучащательна» модели Смотрицкого (см. Rönkä 2005, 61).

Так как Байбаков не поясняет, что в традиции Смотрицкого «совершенный» означает то же, что «первообразный», у него атрибут «совершенный» используется в структурном значении производного глагола: «совершенный глаголь» *теплю, бѣлю, бѣгу, чту* (с. 49). В то же время в «российской» парадигме «совершенное» обозначает видовое понятие в сочетании «прошедшее совершенное время»: *я напи- таль, я окрестиль, я окрестился* (с. 65, 73, 75). Ср. также церковнославянское «совершенное имя прилагательное» (*святый, благий*) (с. 12). Двойное употребление «совершенного» отмечено нами еще в работе Дмитрия Толмача (Толмач 1522; Rönkä 2005, 34).

Следующий текст Байбакова охватывает основную информацию о классификации глаголов:

«Глаголы раздѣляются на *Первообразные*, которые ни отъ какой другой части слова не происходят. на пр: *знаю, иду*. на *Производные*, которые происходят, или 1) отъ имени, на пр: отъ *свѣта, свѣчу*. 2) отъ мѣстоименій, отъ *свой, свою*. 3) или нарѣчій, отъ *поздо, поздаю*. 4) или отъ междометій, отъ *охъ, охаю*. проч.

Производные раздѣляются такъ же на *начинательные*, которые происходят отъ совершенныхъ [т.е. первообразныхъ], и кончатся на *ѣю*. на пр: отъ *теплю, бѣлю, теплѣю, бѣлѣю*, и *учащательные*, которые кончатся на *аю*. на пр: отъ *бѣгу, бѣгаю; чту, читаю*.

Первообразные и производные глаголы суть или *Простые*, которые безъ приложенія другой части словъ сами собою стоятъ. на пр: *даю, дарю*. или *Сложенные* 1. изъ имени и глагола, на пр: *славо-словлю*. 2. изъ мѣстоименія и глагола, *свое-вольствую*. 3. изъ предлога одного или многихъ и глагола, *отдаю, отдариваю, разопредѣляю*. 4. изъ предлога, имени и глагола, *оживотворяю*» (с. 49).

Кроме деления на «начинательные и учащательные», разделение в основном придерживается описания Ломоносова (1755, 479; 1755а, 105).

Байбаков сохраняет здесь важный принцип суффиксального способа деривации: **глагол** → **глагол**. Так, в полном соответствии с традицией Смотрицкого, «начинательные» и «учащательные» глаголы составляют две аспектуальные разновидности «производных» глаголов. Однако, в отличие от Смотрицкого, «начинательные» и «учащательные» глаголы

описываются без раскрытия их содержания. Как было показано нами, в традиции Смотрицкого «начинательные» являются инхотативами с признаком становления качества (Rönkä 2005, 41, 62, 64). «Простые» и «сложенные» глаголы описываются вплоть до примеров по грамматике Ломоносова.

4. Времена

Говоря о четырех временах – «настоящее, преходящее, прешедшее, будущее» – в грамматике Максимова (1723, 35, 47), Байбаков советует добавить к ним в качестве пятого «давно прошедшее», выражаемое, например, такими формами, как *бросывано бывало, бросаль, бывало бросываль*. Достаточность одного давнопрошедшего вместо трех ломоносовских обосновывается тем, что и в латинском языке формы *docuerunt* и *docuere* по значению не различаются. Плюсquamперфектное значение передается словами «давно прошло» (с. 51). Как было показано нами, термин «давнопрошедшее» создан Ломоносовым (Rönkä 2005, 167).

В этой связи важно отметить, что весьма радикально Максимов отказался не только от «мимошедшего», но и от «непредѣльного» Смотрицкого (Rönkä 2005, 138; Живов 1992, 250). Примечательно, что Максимов сам заявил, что «Времена, мимошедшее и непредѣльное въ парадигмѣ не положишася, понеже мѣсто ихъ наполняющу прешедшему» (Максимов 1723, 51). Без церковнославянских терминов обходится исследование, передающее времена Максимова словами «Präsens, Imperfekt, Perfekt, Futur» (Daiber 1992, 121). О системах доломоносовской традиции, содержащих не более пяти времен, см. работу Rönkä 2005, 121 и сл..

В описании Максимова как «первообразные», так и «оучащательные» глаголы имеют имперфективные и перфективные формы, т.е. категория вида уже не связана с этими глагольными разрядами. Независимо от указанных глагольных характеристик видовое противопоставление (нсв – св) одной глагольной лексемы у Максимова составляют пары «преходящее – прешедшее» и «настоящее – будущее» (*чте, читае – прочте, прочита* и *чет, читает – прочтет, прочтает*) (Живов 1992, 250). Следовательно, у него темпоральные и видовые значения заключаются в несоставном термине без формального показателя и в позиции отдельного термина в четырехчленной системе.

Русская парадигма времен Байбакова полностью отказывается от церковнославянских «преходящего» и «прешедшего» Максимова. Фактически Байбаков (с. 51) просто констатирует одобрительно количество и основную содержательную идею четырех времен Максимова, но на деле принимает для российской парадигмы новые нецерковнославянские термины и даже ядро системы Ломоносова.

Таким образом, в русской парадигме Байбакова наличествуют «время настоящее» (*я питаю, я крещу*), «прошедшее несовершенное» (*питалъ, крестилъ*), «прошедшее совершенное» (*напиталъ, окрестилъ*), «давно прошедшее» (*я бывало питалъ, питывалъ, я крещивалъ, бывало крестилъ, бывало крещивалъ*) и «будущее» (*я напитая «или» буду питать, я буду крестить, окрещу*) (с. 64, 65, 73).

В типовых парадигмах употребляется систематически «прошедшее несовершенное», у которого, однако, нет системного эквивалента среди терминов будущего. В качестве параллели этого термина выступает два раза ломоносовский термин «прошедшее неопределенное» (*дѣлалъ, казалъ, брилъ* и др.) (с. 59), (*боялся* и др.) (с. 70). Таким же недосмотром является, видимо, «преходящее» (*читалъ, билъ* и др.) (с. 54). Итак, русская имперфективная форма прошедшего обозначается тремя терминами: «прошедшее несовершенное», «прошедшее неопределенное» и «преходящее», что, естественно, отражает некоторое терминологическое колебание или просто вариативность в русской традиции конца XVIII в.

При адаптации системы Ломоносова Байбаков отказывается от перфективного «однократного времени». Вместе с тем он заменяет имперфективный атрибут «неопределенное» на «несовершенное», которое, кстати, выступает еще и в грамматике Ломоносова (Rönkä 2005, 161, 164).

Таким образом, в российской парадигме Байбаков весьма удачно совместил структурный принцип и видовую модель Максимова и модифицированную терминологию и исправленную систему Ломоносова. Несколько иначе этот процесс интерпретирован в работах Дайбера и Живова (Daiber 1992, 162; Живов 1992, 260–261).

Говоря о десяти временах Ломоносова, Байбаков ссылается на § 263 грамматики Ломоносова (Ломоносов 1755а, 106), который соответствует § 268 издания 1952 г. (Ломоносов 1755, 480) (с. 51). По содержанию параграфы идентичны.

Порицая Ломоносова за излишество десяти времен, Байбаков становится виновным в анахронизме, утверждая (с. 51), что «сочинитель Новгородской грамматики» (1723) сократил количество времен по поводу данного излишества в грамматике Ломоносова (1755) (ср. Daiber 1992, 160).

В отличие от ломоносовской и вообще установившейся русской традиции, Байбаков вводит два формально различных будущих, но не различает их терминологически и не поясняет их разных видовых значений: «Будущаго довольно одного. *брошу* и *буду бросать* не различаются» (с. 52) (ср. Daiber 1992, 162).

При «глаголах» *лишаю, лишилъ, лишу; купую, купихъ, куплю; прощаю, прощу, простихъ* и т.п. Байбаков отмечает лишь их разные спряжения, игнорируя аспектуальную характеристику этих же форм у Ломоносова (1755, 490). Примечательно, однако, что и Байбаков трактует их как формы одного глагола (с. 54).

В связи с российской парадигмой Байбакова неуместно говорить об аспектуально имперфективном имперфекте и аспектуально перфективном перфекте («aspektuell imperfektives Imperfekt, aspektuell perfektives Perfekt») (Daiber 1992, 163). Подобные характеристики могут, пожалуй, применяться, к «преходящему» и «прешедшему» Максимова, но не к «прошедшему несовершенному» и «прошедшему совершенному» Байбакова.

Славянская темпоральная парадигма Байбакова представлена следующими категориальными терминами и примерами: «настоящее» (*чтѹ*), «преходящее» (*чтѹхъ*) «вида совершенна», «настоящее» (*читаю*) «вида оучащательна», «прешедшее» (*читахъ*), «мимошедшее» (*читаахъ*), «непредѣльное» (*прочтѹхъ*), «будущее» (*прочтѹ*) (77–79). Ср. далее вторичное «преходящее» (*чѣль ѣсмь*) (с. 79).

Итак, славянская парадигма содержит шесть слагаемых: «настоящее, преходящее, прешедшее, мимошедшее, непредѣльное и будущее». Из них «настоящее» может быть «вида совершенна» или «вида оучащательна». Те же времена с теми же примерами мы находим у Смотрицкого (1619, 239; 1648, 185).

В соответствии с традицией Смотрицкого в этих формах выступают три основы, которые различаются аспектуально: *чт-* «вида совершенна», *чита(a)-* «вида оучащательна» и *прочт-* «непредельного-будущего» (Rönkä 2005, 71, 73, 74). Расширенная основа «мимошедшего» *читаа-* относится к «виду оучащательному» («отъ читахъ, кончаемый другимъ азомъ раствѣрше») (с. 78). Среди этих основ перфективная основа *прочт-* противопоставляется основам *чт-* и *чита(a)-*, которые, в свою очередь, составляют акционсартную оппозицию внутри несовершенного вида. Наглядно те же основы выделяются в формах инфинитива: «вида **совершенна**, время настоящее и преходящее *чести*, вида **оучащательна**, настоящее и прешедшее *читати*, мимошедшее *читаати*, **непредѣльное** и **будущее** *прочести*» (с. 85). Во втором спряжении им соответствуют формы *творити, творѣти, творѣати, сотворити* (с. 110). Это аспектуальное построение пронизывает все глагольные формы славянской парадигмы.

Выступающая в славянской парадигме вторичная рубрика «Преходящее», включающая времена «преходящее» (*чѣль ѣсмь*), «прешедшее» (*читаль ѣсмь*), «мимошедшее» (*читааль ѣсмь*) и «непредѣльное» (*прочель ѣсмь*) с аналитическими формами на *ль* и на вспомогательный глагол (с. 79), соответствует примечанию о тех же прошедших

временах «Роусска языка» Смотрицкого (1648, 192). Опускание пояснительного примечания Смотрицкого вызывает недоумение о роли этих форм в «славенском» спряжении.

Терминология «славенской» темпоральной парадигматики восходит к изданию 1648 г. грамматики Смотрицкого. Вместе с тем применяемое Байбаковым сопоставительное описание двух языков-объектов подчеркивает различие между старинной церковнославянской системой традиции Смотрицкого и новой русской системой традиции Ломоносова. Автор не стремится совместить эти системы, а наоборот, показывает и поясняет довольно последовательно (в основном при помощи терминологии и примеров) их различия. При этом размежевываются функциональные сферы обоих языков. Различие двух языков отражает также несколько полемическое утверждение Байбакова, что «глаголы въ Славенскомъ языкѣ правилнѣе спрягаются; а въ Россійскомъ болѣе отъ правилъ отступаютъ» (с. 61). На основании этого мы не считаем Байбакова «апологетом двуединого литературного языка» (Живов 1996, 416 примеч.).

Сопоставление двух примеров, которые автор приводит «для лучшаго выразумѣнїя спряженїй» (с. 61), показывает наглядно коренное различие русских и церковнославянских терминов и форм. Здесь мы ограничимся индикативными формами вспомогательного глагола *есмь* и типовых глаголов первого из двух спряжений (с. 61–78) (здесь кавычки не употребляются):

Спряжение **Россійское**: 1) время настоящее *есмь, еси, есть... суть*, 2) прошедшее *я былъ*, 3) давнопрошедшее *бываль* от учащательного *бываю*, 4) будущее *буду*.

Спряжение **Славенское**: 1) настоящее *есмь, еси, есть... суть*, 2) переходящее *бѣхъ, былъ, бѣ... бѣхомъ, бѣсте, баху* и *быша*, 3) прошедшее *быхъ* и *быль, бысть* и *баше... быхомъ, бысте, баху* и *быша*, 4) будущее *буду*.

Спряжение Россійское	Спряжение Славенское
1) время настоящее <i>я питаю... они питаютъ</i>	1) время настоящее вида совершенна <i>чту, чтеши, чтеть... чтуть</i>
2) прошедшее несовершенное <i>я питалъ</i>	2) переходящее <i>чтохъ, чель, чте... чтоша</i>
3) прошедшее совершенное <i>я напیتالъ</i>	3) настоящее вида оучащательна <i>читаю, читаеши... читаютъ</i>
4) давно прошедшее <i>я бывало питалъ, питывалъ</i>	4) прешедшее <i>читахъ, читалъ, читаше... читаху или читаша</i>
5) будущее <i>я напитаю или буду питать</i>	5) мимошедшее <i>читаахъ, читаалъ, читааше... читааху или читааша</i>

- 6) непредѣльное
прочтохъ, прочель, прочте... прочтоша
- 7) будущее
прочту... прочтуть

Во втором спряжении славянской парадигмы «будущее» и «непредельное» поменялись местами, т.е. «будущее» *сотворю* предшествует «непредѣльному» *сотворишь* (с. 105).

Глава «О глаголахъ сложенныхъ обоего спряженія» (с. 122) заимствована из грамматики Ломоносова (1755, 522; ср. Курганов 1769; 1793, 40; Rönkä 2005, 213). Любопытно, что в этой главе в качестве примера «прошедшего несовершенного», которое систематически заменяет «прошедшее неопределенное» (*показываль*) Ломоносова, Байбаков не может использовать форму *показываль*, так как в его списке времен «сложенныхъ» глаголов форма *показываль* занята для иллюстрации «давно прошедшего» (с. 122) (ср. «давнопрошедшее» *Я бывало показываль* Ломоносова 1755, 524).

К сожалению, значения или содержательные экспликации ни глагольных разрядов «совершенных, начинательных и учащательных», ни темпоральных категорий (времен) в грамматике не приводятся.

5. Вопросы образования форм времени

Неудачное описание образования «**преходящего**» *читаль* и «**прошедшего**» *прочиталь* указывает как бы на видовое противопоставление этих категорий. Эта неясность вызывается неточным употреблением церковнославянского «преходящего» и термина «прошедшее» без атрибута «совершенное»: «Отъ настоящаго времени... раждается время преходящее... *читаю, читаль... творю, твориль*. А отъ будущаго... время прошедшее... *прочитаю, прочиталь... сотворю, сотвориль*» (с. 54). Ср. далее: «Прошедшее время дѣлается иногда отъ глаголовъ простыхъ. на пр: *ахаю, ахнулъ; болтаю, болтнулъ*» (с. 56). У Ломоносова *ахаль* и *ахнулъ* являются формами одного глагола, различающимися аспектуальными атрибутами (Ломоносов 1755, 488; Rönkä 2005, 173; о термине «прошедшее» см. Rönkä 2005, 141).

Правило образования «**давнопрошедшего времени**» заимствовано почти дословно от Ломоносова (1755, 491, 514; Rönkä 2005, 173, 192): «Глаголы кончащиеся на *аю* и *ю* в давнопрошедшемъ времени переменяются на *валь* [sic! вместо *ываль*]: *думаю, думываль; путаю, путываль; а колю имеет колываль* [sic!], *полю, полываль; стелю, стеливаль... двигаю, двигиваль; дерзаю, дерзываль; плескаю, плескиваль; нюхаю, нюхиваль...*» (с. 56–57). Ср. примеры второго спряжения: *браню, браниваль; стою, стаиваль; люблю, любливаль* (с. 70). В этой связи Дайбер

указывает на неразличение значений форм типа *бросал* и *бывало бросываль* у Байбакова (с. 51) (Daiber 1992, 162).

Синтетическое «**будущее**» составляется из настоящего времени и из «предлоговъ», т.е. из приставок *у, из, во, со, на, по, при, за, воз, раз*: *хочу – захочу; ѹѣлѣю – уѹѣлѣю* и т.д. Для образования аналитического будущего Байбаков приводит даже пять вспомогательных глаголов: *буду, стану, начну, примусь, рѣшусь – писать, говорить, дѣлать* и т.д. (с. 57). Напрасно Дайбер читает пятый вспомогательный глагол Байбакова как *[с]нешусь* (Daiber 1992, 162).

«**Повелительное будущее**» и «**повелительное настоящее**» различаются по форме вида. «Повелительное будущее» *напиши, запрячь, сыщи* и т.п. составляется присоединением приставки *на, за, с* к форме «повелительного настоящего» *пиши, прячь, ищи* (с. 58). Эти же термины и примеры мы видим еще у Ломоносова. Здесь, однако, Байбаков устранил аспектуальные атрибуты Ломоносова («повелительное будущее совершенное» и т.п.) (Ломоносов 1755, 494). В неизменном виде ломоносовские термины и примеры *пиши – напиши, читай – прочитай* выступают также в «Кратких правилах» (КПР 1784, 167, 169).

Досадную опечатку заключает утверждение, что «Неопредѣленное наклоненіе происходитъ отъ прошедшаго совершеннаго [должно быть: „несовершеннаго“] премѣня лѣ на тѣ: *зналъ, знать; гулялъ, гулять*» (с. 58).

6. Выводы

Как одно из первых сопоставительных описаний двух славянских языков грамматика Андрея Байбакова составляет важное звено среди своих современников.

Подлинный характер описания обнаруживают язык и использованная терминология Байбакова. Работа написана научным стилем литературного русского языка конца XVIII века. В этом метаязыке последовательно и регулярно выступают сопоставления и противопоставления «Русский язык» – «Славенский язык» (с. 7 и сл.) и «Русская грамматика» – «Славенская грамматика» (с. 4 и сл.). Говорить о разговорном языке («*die russische Umgangssprache*») (Daiber 1992, 163), который якобы описывают русские парадигмы Байбакова, мы не считаем уместным.

В аспектуально-темпоральном отношении самое важное заключается в том, что в работе сравнительно современная, сокращенная по количеству слагаемых российская система с новой терминологией «прошедшего несовершенного» и «прошедшего совершенного» развивающейся ломоносовской традиции противопоставляется застывшей церковнославянской системе традиции Смотрицкого.

Адрес электронной почты автора: ristoro@luukku.com

Литература

- [Байбаков, Андрей Дмитриевич, в монашестве – Аполлос]. 1794. *Грамматика руководствующая къ познанію Славено-Россійскаго языка*. [Киев]: Печатана въ Типографіи Киевопечерскія Лавры.
- Балицкий, Иван Иванович. 1876. *Материалы для истории славянского языкознания*. Литература исследований о церковнославянском и русском языках на иностранных языках. С XVI века по 1872 год (в хронологическом порядке). Часть I материалов для истории славянского языкознания [...], с. 1–60. А. На славяно-русском и русском языках [...], с. 1–83. Киев: В типографии Киевопечерской Успенской Лавры.
- Живов, Виктор Маркович. 1992. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы. В кн. Anders Sjöberg, Lubomír Ďurovič & Ulla Birgegård (ред.). *Доломоновский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language*. Материалы конференции на Фагеруде, 20–25 мая 1989 г. Slavica Suecana. Ser. B. Vol. 1, 247–270. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Живов, Виктор Маркович. 1996. *Язык и культура в России XVIII века*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Живов, В. & Г. Кайперт. 1996. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского. *Вопросы языкознания* (6). 3–30.
- КПР. 1784. 1791. *Краткія правила Россійской Грамматики, собранныя и вновь дополненныя изъ разныхъ Россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ Императорскаго Московскаго университета*. Москва: Университетская типографія, у Н. Новикова 1784. Репр. Nachdruck besorgt von M. Schüttrumpf. (SPS 32). München: Verlag Otto Sagner 1980. Первое изд. Москва, 1771, шестое изд. 1791.
- Курганов, Николай Гаврилович. 1769. 1793. *Россійская универсальная грамматика или всеобщее писмословіе*, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку [...]. СПб. С иным названием: «Писмовник [...]». СПб. 1793.
- Максимов, Федор. 1723. *Грамматика Славенская въ кратицѣ собраннаа* Въ Греко-славенской шкѣлѣ іаже Въ великомѣ Новѣ градѣ при домѣ архіерейскомѣ. Повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Г[осу]д[ар]я нашего Петра Великаго, О[т]ца О[те]чества, Императора и Самодержца Всероссийскаго. Бл[а]го-словеніемъ же С[ва]тѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Свнѣда на-печатаса при Санкт-питербурхѣ въ Тр[ои]цкомѣ Алезандроневскомѣ м[о]н[ас]т[ы]рѣ Лѣта о[т]ь Р[о]ж[де]с[т]ва Хр[ис]тѣва аѿкг. Ноёмврѣа въ дѣнь.
- Ломоносов, Михайло Васильевич. 1755. *Россійская грамматика*. СПб.: Императорская Академія наукъ 1755. Переизд. в кн. М.В. Ломоносов: Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг., 389–578. Москва & Ленинград: Издательство АН СССР 1952.
- Ломоносов, Михайло Васильевич. 1755а. *Россійская грамматика*. СПб. 1755. Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe 1755 nach dem Exemplar der Universitätsbibliothek Rostock. Leipzig: Zentralantiquariat der DDR 1975.
- Мразовић, Авраам. 1794. *Руководство къ славенствѣй грамматіцѣ* исправленнѣй во оупотребленіе славено-сербскихъ народныхъ оучилищъ, издано трудомъ Авраама Мразовича Народныхъ оучилищъ въ Крузѣ Печуйскомѣ Правителя [...]. Въ Віеннѣ тѣпомъ Г. Стефана Новаковича.
- РГ 1802. *Россійская грамматика*, сочиненная Императорскою Россійскою Аккадеміею. СПб.: Типографія, РА.

*Вид и время в славено-российской грамматике Андрея Дмитриевича Байбакова
(Аполлоса, 1794 г.)*

- Смотрицкий, Мелетий. 1619. *Грамматика Славенская прѣвильное Сунтагма*. [...]. Еве. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ: «Наукова Думка» 1979.
- [Смотрицкий, Мелетий]. 1648. Анонимное издание *грамматики Смотрицкого*. Москва.
- Соколов, Петр Иванович. 1788, 1792, 1797. *Начальныя основанія Россійскія грамматики*, въ пользу учащагося въ Гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества составленныя. Санктпетербургъ.
- Степанов, В.П. 1988. Байбаков, Андрей Дмитриевич (в монашестве – Аполлос). В кн. *Словарь русских писателей XVIII в.* вып. 1. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом), 48-52. Ленинград: «Наука».
- Толмач. 1522. Донѣтушь сѣречь грамѣтика и ѣзбука переведѣнная Димѣтрѣемъ толмачѣмъ съ латѣнскаго языка 1522-го, ѣ списана 1563 года. Вѣбранная отъ чѣтырѣхъ книгъ учителя Алексѣндра. Рассужденія южнославянскои и русскои старини о церковно-славянскомъ языкѣ. Собралъ и объяснилъ орд. акад. И.В. Ягичъ. *Codex Slovenicus Rerum Grammaticarum*. Ed. V. Jagić., 528–585. Petropoli: 1896. Nachdruck des Separatdruckes Berlin 1896. (Slavische Propyläen 25). München: Fink 1968.
- Тредиаковский, Василий Кириллович. 1748. *Разговор между чужестранным чело-веком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принад-лежит к сей материи*. СПб.
- Bernolák, Anton. 1790. *Grammatica Slavica Auctore Antonio Bernolak ad Systema Scholarum Nationalium in Ditionibus Caesareo-Regiis introductum accommodata*. Bratislava.
- Daiber, Thomas. 1992. *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et dissertationes XXXII). Freiburg i. Br.: U. W. Weier.
- Dobrowsky, Joseph. 1820. Vorrede. *Literatur der russischen Sprachlehren*. В кн. Anton Jaroslav Puchmayer, *Lehrgebäude der russischen Sprache*. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des Hrn. Abbé Dobrowsky, IX–XLI. Prag: J. G. Calve.
- Kopczyński, Onufry. 1778. *Gramatyka dla szkół narodowych*. Gramatyka na klasę pierwszą. Przypisi do Gramatyki na klasę I. Warszawa.
- Pause, Johann Werner. 1729. *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonderlich der Teutschen Nation aufgesetzt*. Рукопись Q 192/I в собрании иностранных рукописей Библиотеки РАН. Москва 1705–1729.
- Pelzel, Franz Martin. 1795. *Grundsätze der böhmischen Grammatik*. Prag: Franz Gerzabek.
- Rönkä, Risto. 2005. *У истоков русской и славянской аспектологической мысли. Описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова*. (Acta Universitatis Tamperensis 1074). Tampere: Tampere University Press.
- Schaffarik, Paul Joseph. 1826. *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen.
- Stankiewicz, Edward. 1984. *Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. An annotated bibliography*. Berlin, New York & Amsterdam: Mouton Publishers.
- Tomsa, Franz Johann. 1782. *Böhmische Sprachlehre*. Prag: Verlag der k. k. Normalschule.